

газеты подчеркивали, что без нагнетания военной напряженности большевистский режим существовать не может, так как его экономическая и социальная политика неэффективны и губительны для общества. Существовать он может, только вовлекая в свою орбиту другие страны и народы, так как "успешные войны открывают перспективы насаждать в Европе большевизм силой оружия"/137/. Поэтому власть большевиков представляет угрозу миру и человечеству.

Особенно подробно в прессе разбирались мирные переговоры в Бресте. Большевистские и противобольшевистские газеты внимательно следили за ходом сепаратных советско-германских мирных переговоров. Они подробно освещали их ход, позиции сторон, условия соглашений и результаты. Газеты отмечали, что Брестский мир был грабительским, унижительным, не соответствующим первоначальным заверениям большевиков о заключении справедливого демократического мирного договора. Однако он давал возможность большевикам сохранить власть "От могущественной необъятной России остались только жалкие клочки", — писала самарская газета "Наш день"/138/. Международное значение происходящих в России событий, по мнению белых российских журналистов, заключалось в том, что они наглядно показали, к чему может привести большевистский эксперимент. "Россия своей кровью, бессмысленными жертвами мучеников спасает Европу от большевизма", — отмечала газета "Приневский край"/139/.

Учитывая то, что захват большевиками власти в России являлся закономерным явлением, многие антибольшевистские газеты высказывали мнение о невозможности свергнуть их военным путем. Для того чтобы победить большевизм, необходимо уничтожить причины его породившие и среди них главные — нищету и отчаяние российского народа. "Ликвидировать большевизм — значит, уничтожить причины, обуславливающие его возникновение и развитие", — делала вывод газета "Эхо"/140/. В то время добиться этого было невозможно, следовательно, победа большевиков неизбежна, делали вывод многие газетные публицисты. И они были правы.

4. Газеты об антибольшевистском движении

Кроме анализа советской власти, газетная пресса широко освещала деятельность российских антисоветских политических режимов. Пресса всех направлений следила за ходом борьбы между ними и большевиками. Журналисты подчеркивали, что надежды антибольшевистских сил, в основном, были связаны с Учредительным собранием. В нем антибольшевистские силы видели возможность вывести страну из кризиса. Газеты отмечали, что вокруг

идеи Учредительного собрания можно было объединить народ для решения ближайших задач возрождения российской государственности, "организуя направляющую и регулирующую силу общественного мнения"/141/.

В газетной публицистике констатировалось, что достаточно большая часть русского общества понимала значение парламентаризма и демократических основ организации политической жизни, как условий, гармонизирующих общественные интересы. Тем самым обеспечивалась политическая стабильность, когда "воля каждого отдельного гражданина, организованного во влиятельные общественные союзы, непосредственно направляет правотворчество представительного учреждения"/142/. Однако белые газеты предупреждали, что добиться возрождения российской государственности через Учредительное собрание будет очень трудным делом. Основная сложность заключалась в разобщенности антибольшевистских сил, представители которых были представлены "во вновь формирующихся органах гражданской и военной власти"/143/.

Большевистские и антисоветские газетные издания подробно разбирали сущностные характеристики антибольшевистских режимов. Они анализировали модели их государственного устройства, рассматривали их социально-экономический базис, политико-административное и институциональное строительство. Газетные издания подчеркивали, что белые диктатуры не были приняты русским обществом и не выполнили своих функций по его консолидации для ликвидации большевизма. Газеты отмечали, что антибольшевистские режимы сочетали в себе половинчатость принимаемых решений, дряблость воли, боязливое топтание на одном месте, когда события требовали быстрого и смелого вмешательства. Все это проходило "красной нитью" через все перипетии борьбы"/144/.

Вся газетная периодика отмечала, что эти режимы разъедало политиканство, которое делало невозможным победу над большевиками. Антибольшевистские власти не смогли победить традиционный недуг российской политической системы — бюрократизм. Чиновничий аппарат белых режимов состоял из "бездарных бюрократов или дядюшкиных племянников, выписанных из-за границы"/145/. Этот аппарат работал плохо. Характерными явлениями в работе этого аппарата были канцелярщина и волокита. Это было особенно недопустимо во время войны. С таким уровнем работы государственного аппарата и кадровым составом чиновников белые государственные образования не смогли наладить работу тыла, обеспечить выполнение военных задач и доказать, что они умеют это делать лучше большевиков.

Антибольшевистские режимы разъедались политическими и социальными противоречиями. Вместо укрепления государственной власти в целях общей победы над большевиками конфликтующие стороны дискредитировали и шель-

мовали друг друга, вместо четкого выяснения стратегических приоритетов занимались амбициозным критиканством, вместо дружной государственной работы демонстрировали разгул политических страстей и интриг. "В результате получается то, что мы все еще толчемся в первоначальной стадии нашего государственно-правового строительства, тогда как враги наши подходят к последней стадии", — писали "Донские ведомости"/146/.

И большевистские и антибольшевистские газетные издания, анализируя политику белых правительств, отмечали, что они были не в состоянии учитывать настроения общества, а их политические устремления были далеки от народных. "Особенно большим моментом является разобщенность руководителей административно-политической жизни от общественного мнения", — подчеркивало "Тобольское народное слово"/147/. Более того, антибольшевистские режимы фактически начали реставрировать старые дореволюционные порядки, которые для общества были неприемлемы. Это еще больше усиливало раскол между антибольшевистскими властями и общественностью.

Газетная пресса неоднократно обращала внимание на то, что во внутренней политике антибольшевистских режимов далеко не всегда обоснованно используется террор. Белые правительства, армейское командование часто осуществляли политику террора в качестве акта мести против тех, кого они считали своими противниками. "Теперь, когда, казалось бы..., нужно построить новую государственность на основании закона и права, на основании уважения к гражданам и их правам, — переодетый в новый мундир охальник по-прежнему "в ус и рыло хлещет старого Гаврилу", сажает кого попало в каталажку, а там для вразумления пускает в ход нагайку", — писали "Отечественные ведомости"/148/. В число врагов включались целые слои населения, нации, политические партии: рабочие, партии социал-реформистов, евреи, украинские самостийники, казачьи сепаратисты и др.

Эта ненависть в ряде случаев стала определять политику властей. Как правило, акты произвольного террора являлись противозаконными явлениями с точки зрения правовых норм, существовавших в законодательстве белых правительств. Однако самоуправство администраторов, офицеров и казачьих атаманов сходило им с рук. Белый террор усиливался по мере наступления Красной армии. Неудачи на фронте, вместо того чтобы сплотить защитников белого дела, приводили к обострению террора. Отступление белых войск проходило при отсутствии дисциплины и сопровождалось грабежами и насилием. Положение мирного населения было ужасным. Такое состояние окончательно подрывало доверие общества к антибольшевистским силам. "Нам неоднократно приходилось доказывать ту... мысль, что правительство будет сильным лишь при доверии к нему широких масс населения", — с горечью отмечала газета "Наш Урал"/149/.

Одно из основных мест в российских газетах отводилось колчаковскому перевороту 18 ноября 1918 г. Как и большевистский октябрьский переворот, омский переворот подвергался тщательному анализу. Оценка его не была однозначной. Пресса монархического и кадетского толка видели в нем желание объединить все антисоветские силы и возродить российскую государственность. Для большевистской периодики он являлся показателем контрреволюционности антисоветского лагеря. Социалистические мелкобуржуазные издания считали, что этот переворот расколол демократические ряды, ослабил антисоветские силы, и осложнил борьбу с советами. "На смену сплочения и объединения отдельных элементов русской общественности наступил снова хаос, снова посеяны партийные ссоры и внутреннее беспокойствие", — писало "Тобольское народное слово"/150/.

Анализируя внутреннюю политику антисоветского лагеря, журналисты не могли пройти мимо рассмотрения деятельности социалистических и либеральных политических партий России. Российские газеты отмечали, что раскол общества отразился на деятельности политических партий и общественных движений. Необходимость долгое время работать в нелегальных условиях привели к тому, что они оторвались от народа, стали решать общественные проблемы без учета его мнения, погрязнув "в узости партийных программ, кружковых и личных интересов"/151/.

Такое положение привело к тому, что партии и общественные группировки, вместо того чтобы проанализировать ход революции и Гражданской войны, исследовать причины этих трагических процессов и искать средства для вывода России из кризиса, стали выяснять отношения друг с другом с помощью публичного навешивания ярлыков и взаимного огульного охаивания. Журналисты отмечали, что подобного рода политические контакты углубляли противоречия, усиливали Гражданскую войну и не могли явиться "надежным фундаментом... для созидательной работы в области национальной, политической, социальной, экономической и всякой другой"/152/. Политическая непримиримость, классовый и социальный эгоизм без учета общенациональных интересов в конечном счете обращались против тех социальных сил, интересы которых они представляли.

Газетная публицистика дает достаточно полное представление о характере и деятельности основных политических партий России. Она раскрывала положение буржуазных и мелкобуржуазных партий на разных этапах Гражданской войны, их взаимоотношения и программно-тактические установки. В газетах имеются материалы о положении и численности партийных организаций, информация о партийных съездах, совещаниях, о работе лидеров и идеологов партийных объединений. Оценивая деятельность своих политических оппонентов, журналисты часто давали обстоятельные оценки и мет-

кие характеристики эволюции различных партий и общественных движений. Так, большевистские газеты и печатные издания социалистических партий оценивали кадетов, как консервативную партию, которая не имеет опоры в массах. "Партия народной свободы не имеет почвы в широких кругах населения и, кроме того, в настоящее время эта партия стала консервативной", — констатировало "Тобольское народное слово"/153/.

Содержание практически всех кадетских изданий было подчинено одной цели — созданию государственной власти в соответствии с их партийной программой. С этих позиций одни газеты выступали резко, требовательно, другие — умеренно, выжидательно. Одновременно вся кадетская печать публиковала много статей с теоретическим оправданием резкой, требовательной единственно возможной на данный момент формой правления. Так, красноярская газета "Свободная Сибирь" в статье "Великий диктатор" прославляла диктатуру Джорджа Вашингтона, которая в свое время, по мнению журналистов газеты, спасла США/154/.

Мелкобуржуазные и большевистские газеты стремились дать ответ на вопрос, почему партия кадетов не смогла возглавить белое движение. Главную причину этой неудачи газетные публицисты находили в том, что боязнь размаха революции привели конституционных демократов к реставрации дореволюционной военной диктатуры. На практике это приводило к реставрации дореволюционных порядков, с чем большинство населения смиряться не могло. "Ожидать от кадетской партии истинного демократизма — все равно, что ждать от козла молока", — критиковала кадетов сибирская газета "Прибайкальская жизнь"/155/. Оппозиционная к кадетам газетная печать показывала, что кадетские лидеры не смогли создать эффективной антибольшевистской государственности. Реализуемые кадетские программы не приносили социальной стабильности, военных и экономических успехов.

Российские газеты неоднократно писали об идейной и организационной слабости российского либерального движения. Основной его недостаток они видели в том, что его идеологи не могли увлечь общество. Оно было плохо знакомо с либеральными ценностями, и еще не осознало их значения для разрешения социальных вопросов. В условиях острой военно-политической борьбы основная масса населения не хотела эти ценности защищать.

Организационная слабость российского либерализма заключалась в его неопытности, в отсутствии лидеров, способных вызвать доверие общественности. Российские либералы в царское время сами выступали против действий властей и существовавших политических порядков. Выступали они, по меткому наблюдению Франка, как "отчасти культурные и государственно-просвещенные социалисты", отчасти как полусоциалисты, "усматривающие идеал в половине отрицательной программы социализма. Но несогласные на

полное его осуществление"/156/. Поэтому либералы не могли выступить в роли организаторов общества для борьбы с разрушительными действиями социалистов-большевиков. "Мы знаем... что столь несносный вашему сердцу либерализм таким влиянием не пользуется, — отвечала на критику социал-реформистов кадетская "Современная Пермь"/157/.

При этом либералы нередко пропагандировали такие взгляды на будущее российского общества, которые осуществить после Февральской революции и созыва Учредительного собрания было очень сложно и чревато крупными социальными потрясениями. Кадетские публицисты неоднократно высказывали мысли о необходимости ограничения демократических свобод после свержения большевиков. Исходя из того, что российское общество не доросло до широкой демократии, они ставили под сомнение полезность для государства полномочного Учредительного собрания, демократической республики, свободной прессы. "Но самое важное для нас в настоящее время — это определить тот размер демократизма, какой могла бы безболезненно принять в свое устройство будущая Россия, безвредно для своей внутренней жизни и внешней безопасности", — отмечалось в передовице "Современной Перми"/158/. Подобные позиция заставляли читателей сомневаться в последовательном демократизме либералов, что ослабляло их позиции в борьбе за общественные симпатии.

Оценивая политическую ситуацию в России, газеты социал-реформистских партий пропагандировали программу так называемого "третьего" пути, который мог, по их мнению, вывести страну из кризиса. Эсеровские и проэсеровские газетные издания пропагандировали необходимость введения в России демократических порядков. Они предупреждали, что большевистские экономические эксперименты приведут страну к краху. Эсеры претендовали на руководящее положение в руководстве страной, так как победили на выборах в Учредительное собрание. Пресса их политических противников, напротив, отмечала, что партия социалистов-революционеров не может говорить от имени большинства населения страны, крестьянства, так как не стала подлинно крестьянской партией. "Этого... на деле нет", — писал "Русский Север"/159/. Газеты отмечали: несмотря на то, что эсеры организовали первое сопротивление большевикам при Комуче, они не смогли соединить действия партии с крестьянским движением. В связи со стратегическими просчетами и бездарностью лидеров партия понесла поражение и оказалась в политическом тупике.

По материалам газет можно составить себе представление о меньшевистских организациях России. В прессе содержался интересный фактический материал о состоянии меньшевистских организаций, их численном и социальном составе, о решениях их партийных съездов. Большое внимание

меньшевистские газеты уделяли пропаганде своей партийной программы, основные положения которой сводились к введению государственного регулирования промышленности, восстановлению капиталистических форм управления экономикой, прекращению Гражданской войны, возобновлению работы Учредительного собрания/160/.

Газетная публицистика политических противников меньшевиков писала о том, что меньшевики не смогли возглавить рабочее движение и оказать достойное сопротивление большевистскому влиянию. Кадеты и монархисты упрекали меньшевиков и эсеров в том, что они преувеличивали значение демократических форм и методов борьбы с большевиками. Эта слабость проявлялась в выборах в земские и городские органы самоуправления. Вместо того чтобы бросить все силы на борьбу с большевиками, меньшевики и эсеры тратили их на предвыборную борьбу. При этом участниками предвыборных баталий было хорошо известно, что выборы проходят при очень низкой активности избирателей. В редких городах Сибири количество проголосовавших жителей насчитывало 30% от общего количества избирателей. Во многих случаях на избирательные участки приходило всего несколько сотен человек/161/.

Кроме того, меньшевики и эсеры зачастую преувеличивали революционные возможности крестьянства. Лидеры меньшевиков и эсеров считали, что крестьяне поняли свое положение и сознательно ведут борьбу против большевиков. "Оно /крестьянство — Л.М./ заявляет там свое право на великодержавность в стране, на свою власть", — писала "Пермская земская неделя"/162/. Такая оценка крестьянских настроений была ошибочной. В ходе борьбы с большевиками крестьяне не стали самостоятельной политической силой и, в конце концов, поддержали большевиков.

Говоря о консерваторах и монархистах, российская газетная периодика отмечала, что крайне правые ничему не научились, и их единственное желание заключалось в восстановление старых порядков. Дореволюционные монархические силы были слабыми политическими организациями без своей идейной концепции и самостоятельных взглядов. Своей единственной задачей они видели "славословие, слепое повиновение, угождение, предупредительность" в адрес властей/163/. Во многом поэтому монархическая идеология не получила широкого распространения. Монархические идеи не пользовались широкой поддержкой общества. Пресса монархистов и консерваторов была слабой, а агитация мало убедительной. "Создается бульварного типа печать с монархическим содержанием", — ехидно замечала Владивостокская газета "Эхо"/164/.

Союз с консерваторами не мог усилить другие политические силы. Консервативное течение не воспринималось населением как политическая

сила, сохраняющая лучшие традиции общества. Общество связывало консерватизм с антинародной самодержавной политикой и погромными действиями черносотенных организаций. Этим российский консерватизм был сильно скомпрометирован. Российское общество интуитивно осознавало, что "смена политически красного черносотенства восстановлением того же черносотенства политически черного оттенка была продолжением кризиса государственности и развала жизни"/165/. Общественность не желала такого развития событий.

Российская антибольшевистская пресса много места уделяла проблемам создания и деятельности единого антибольшевистского фронта. Анализ газет свидетельствует, что единого антибольшевистского фронта в годы Гражданской войны создать не удалось. Меньшевики, кадеты, эсеры и другие антибольшевистские партии сильно конфликтовали друг с другом, и между ними наблюдались большие разногласия. Все это не давало возможности объединиться и сплоченно противостоять большевикам. Кадетская печать обвиняла меньшевиков и эсеров в том, что они в 1917 г. фактически развалили страну и способствовали приходу большевиков к власти. Их политика была бездарной и не отвечала интересам России. Они — неудачники, банкроты. Кадетская критика политики социал-реформистских партий очень напоминала оценку правления меньшевиков и эсеров, данную Бердяевым. Он писал, что присутствие русской социалистической интеллигенции у власти было явлением "трагикомического бессилия"/166/.

Во время Гражданской войны, подчеркивали кадетские издания, действия социал-реформистов раскалывали антибольшевистский фронт. По мнению кадетской прессы, в то время необходимо было насаждать единоличное правление. Главное внимание надо было уделить военному противостоянию большевикам, а не развитию демократических начал в обществе. Публицисты кадетской "Современной Перми" писали о том, что в условиях борьбы с большевиками необходимо "строить государство, но не общество "критически-мыслящих" личностей"/167/.

Социал-реформистские партии, в свою очередь, обвиняли местных кадетов в стремлении узурпировать власть и реставрировать старые самодержавные порядки. Меньшевицско-эсеровская пресса стремилась убедить читателей, что кадетская программа направлена на удовлетворение запросов буржуазных слоев общества и не учитывает интересы широких народных масс. Главные цели кадетской политики, по мнению меньшевистских журналистов, заключались в борьбе с "демократией во имя реставрации, во имя торжества цензовых элементов"/168/.

Меньшевицская и эсеровская части антибольшевистского фронта также были расколоты. В отношениях между ними сказывался недостаток парламентского опыта, длительное пребывание в подполье, местничество. Этой

проблеме меньшевистско-эсеровские газеты уделяли большое внимание. Так, в ходе подготовки к выборам в Пермское губернское земство местные эсеры потребовали для себя половину мест в предвыборном списке от социалистических партий и неприкосновенность их кандидатов. В тоже время кандидаты, выставленные другими партиями, должны были подвергаться тщательному обсуждению. Екатеринбургская газета "Горный край" так прокомментировала это решение пермских эсеров. "Нельзя ставить имена правоверных на суд беспартийных, — с большой долей сарказма и горечи писала она, — среди которых могут оказаться и нечестивые, и наоборот: необходимо профильтровать беспартийных, дабы устранить нечестивых"/169/.

Газетная пресса не могла пройти мимо экономической политики белых режимов. И большевистские и антисоветские газеты отмечали, что эффективной экономической политики антисоветские государственные образования выработать не смогли. Это приводило к тому, что хозяйственный кризис при этих режимах усиливался. "Омское правительство больше чем за полгода своего существования ровно ничего не сделало для борьбы с разрухой", — подчеркивала читинская газета "Наш путь"/170/. Газеты Северной области отмечали плачевное хозяйственное состояние области и неумение правительства края справиться с хозяйственными трудностями. "Наша близорукая политика ведет нас... к очень печальным последствиям", — отмечала газета "Русский Север"/171/.

Отменив продрозверстку, антибольшевистские правительства не смогли наладить работу эффективного продовольственного аппарата и снабдить продовольствием города и армию. Разруха, продовольственные затруднения, дезорганизация тыла, холод, воровство, спекуляция, административный произвол делали жизнь людей невыносимой. Доверие к антибольшевистским правительствам сильно падало, что подрывало боеспособность армии и способствовало росту просоветских настроений и симпатий. "Но разруха и дезорганизация в тылу... поколебали наши успехи, — писала "Вольная Кубань". — В тылу жизнь приняла ужасающие уродливые формы. Спекуляция, хищение... дезертирство — все это переплелось в чудовищный клубок"/172/.

Одной из самых болезненных проблем внутренней жизни антибольшевистских режимов была спекуляция. Против нее руководители белых правительств не нашли средств защиты. Эта проблема приобрела политический характер, она сильно дискредитировала антибольшевистские силы. Спекуляция "есть не только обыкновенное преступление, но преступление с политическою преступной целью", отмечала семипалатинская газета "Новое слово"/173/.

На страницах российской прессы самых разных политических направлений нашла обстоятельное освещение социальная политика антибольшевистских российских государственных образований. Много внимания газетные

издания уделяли рабочему вопросу. С одной стороны, на страницах газет печатались статьи и заметки о готовившихся проектах законов по рабочему вопросу, а с другой — материалы об усилении эксплуатации рабочих, уменьшении заработной платы, увеличении продолжительности рабочего дня, локаутах. Журналисты признавали, что неудачное разрешение белыми диктатурами рабочего вопроса во многом предопределило их поражение. Они показывали, что антибольшевистские политические режимы не смогли улучшить положение рабочих. Война, провалы белых правительств в стремлении наладить хозяйственную жизнь привели к ухудшению их материального благополучия. Антисоветские правительства пытались поднять жизненный уровень рабочих, но все прибавки к зарплате обесценивались инфляцией, "и когда акт прибавки совершится, она уже является запоздалой, недостаточной"/174/. Антисоветскими правительствами не было выработано рабочее законодательство, которое эффективно регулировало бы трудовые конфликты и направляло разрешение возникающих проблем в цивилизованное русло. "У нас в России до сих пор нет рабочего законодательства, нет определенных юридических норм, регулирующих взаимоотношение труда и капитала и защищающих интересы рабочего-производителя от всесторонней эксплуатации", — с сожалением констатировали журналисты читинского "Нашего пути"/175/.

Положение усугублялось тем, что фактическая реставрация имперских порядков лишала рабочих социальных завоеваний февральской революции. Любые попытки рабочих отстаивать свои права пресекались по обвинению в большевизме и стремлению к восстанию. Российские бизнесмены не умели, а в ряде случаев и не хотели проводить соглашательско-реформистскую политику. "Предприниматели никак не могли отрешиться от взглядов на рабочего "как на безгласного раба, должного жить исключительно по воле хозяев, — писала газета "Наш путь"/176/.

Белые власти видели в рабочих потенциальных союзников большевиков. Свергнув советскую власть, они стали проводить по отношению к рабочим политику жесткого террора. Каждый рабочий был под подозрением, и даже профсоюзы, руководимые меньшевиками и эсерами, существовали на полулегальном положении. Забастовки беспощадно подавлялись. Все это вызывало недовольство рабочих, которые "получив большевистское восстание, не желают расставаться с "диктатурой пролетариата"/177/. Среди рабочих росло недоверие, а во многих случаях и злоба по отношению к антисоветским властям, усиливались симпатии к советской власти. Следствием этого являлись рост рабочих выступлений на территории белых режимов. Газеты достаточно подробно регистрировали многие значительные массовые выступления рабочих, а также давали немало материала о действиях властей по ликвидации забастовок. Подчас газеты являются

единственным источником по истории стачечного движения на территории белой России.

Столь же широко газеты показывали решение антисоветскими режимами крестьянского вопроса. И большевистские и антибольшевистские газетные издания подробно анализировали аграрное законодательство всех антисоветских государственных образований и подчеркивали, что на подконтрольных им территориях шла реставрация старых царских порядков. Это означало фактическое возвращение помещикам земель, захваченных крестьянами в 1917-1918 гг. Вместе со старыми порядками возвращались и сами помещики. Они, несмотря на декларации белых правительств о необходимости укрепления средних и мелких хозяйств, проводили на местах антикрестьянскую политику. Это вело к подрыву доверия крестьянства к антибольшевистским правительственным программам. Так, в "Вольной Кубани" отмечалось, что "крестьяне... конечно, никогда не поверят, что крупный... помещик будет защищать их интересы, а не свои собственные"/178/. Такую политику газеты считали губительной для борьбы с большевиками. Проводя ее, белые правительства усиливали недовольство крестьян, и сами приближали победу большевиков.

Недовольство крестьян усиливалось из-за того, что на занятых территориях белые стали проводить мероприятия, напоминающие большевистскую продразверстку. Они начали реквизиции, стремясь выкачать у крестьян как можно больше продовольствия. Тем самым они восстановили против себя крестьянство. При этом солдаты, офицеры, казачьи командиры часто выходили из-под контроля гражданских властей и занимались грабежом. Это приводило к росту крестьянских мятежей, которые жестоко подавлялись. Российская газетная печать достаточно полно освещала историю крестьянских восстаний. Газетные сообщения дают представления о многих крестьянских восстаниях, их направленности, степени организованности и массовости. Главная особенность крестьянских восстаний в годы Гражданской войны заключалась в том, что российское крестьянство воевало против всех политических режимов.

Крестьянские мятежи оказывали нередко решающее воздействие на ход боевых действий. Отряды "зеленых" и дезертиров, примыкали то к одной, то к другой военной силе, которая благодаря этому и одерживала победы. Крестьянские повстанческие отряды и целые партизанские армии действовали в тылу и у белых, и у красных. Причина такого положения заключалась в том, что ни один политический режим не смог удовлетворить интересы этого ведущего социального слоя России. Севастопольская газета "Юг России" отмечала летом 1920 г., что ни одна из властей России "не разрешила коренного вопроса о земле и не дала настоящего правопорядка, основанного на свободном труде"/179/.

Немало писали российские газеты о положении солдат в белых армиях и об отношении офицерского корпуса к рядовому составу. Объективно рассказать о положении солдат в армии было сложно, так как цензурные правила фактически запрещали подобную информацию. Но, несмотря на это, в печать проникали сведения о том, что отношение к солдатам со стороны офицеров было жестоким. Солдаты белых армий не чувствовали себя граждански и социально защищенными. Их унижали, обкрадывали, на фронте они испытывали голод, острый недостаток обмундирования и предметов первой необходимости. Часто применялись телесные наказания. "Спросите раненных, спросите фронт... давно ли они видели сахар и ощущали его вкус. Увы, ответ будет самым плачевным", — подчеркивала "Вольная Кубань"/180/. Такое отношение вызывало недовольство солдат, многочисленными были дезертирство и случаи перехода солдат белых армий на сторону красных. Эти явления многократно усиливались в связи с военными поражениями белых.

Газетная пресса очень много места отводила проблеме распада России и обсуждению вопросов будущего территориального и национально-территориального устройства страны. Большинство антисоветских газет считали необходимым сохранить целостность страны, и многие видели эту возможность в демократическом устройстве страны, когда все проблемы будут решаться с учетом интересов малых наций и национальностей России. "Опасен ли этот инородческий сепаратизм России? — спрашивали журналисты читинского "Нашего пути". — Демократической нет, всякой другой — да"/181/.

И большевистские и антибольшевистские газеты достаточно объективно показывали причины распада Российской империи. Они считали, что причина этого процесса лежала в наследии, оставленном самодержавием. Несовершенство государственного управления, политика властей, не позволяющая малым народам России развивать свою культуру и свободно пользоваться родным языком и религией, были причинами национальной вражды и сепаратистских стремлений. Ослабление России в результате войны и революции усилили эти настроения и не дали "возможности установить разумной и дальновидной окраинной политики"/182/. Другая важнейшая причина распада страны, по мнению большинства газет, заключалась в специфике функционирования российских политических партий. Долгая работа на нелегальном положении в условиях постоянных репрессий и преследований властей привела к выработке у партийных функционеров антигосударственных позиций, которые они усиленно пропагандировали. Эта ненависть "к определенному государственному режиму переносилась вообще на всякий государственный строй и влекла за собою отрицательное отношение... к целостности... России"/183/.

По поводу будущего устройства России газетная периодика была во многом единодушна. Журналисты в своем большинстве понимали, что возвращение к имперской национальной политике невозможно. В качестве предложений высказывались мнения о федеративном устройстве России. Причем, речь шла не только о национальной, но и о территориальной автономии с региональными законодательными органами власти. На этом особенно настаивала газетная периодика казачьих областей. Федеративное устройство должно было лучше учитывать интересы регионов, территориальные, хозяйственные особенности краев, поднять социальную активность населения. Журналисты объясняли преимущества федеративного устройства тем, что в случае очередного государственного переворота ослабление центральной власти не так тяжело отразится на регионах и позволит избежать "анархии и братоубийственной войны"/184/.

Анализируя региональную политику белых режимов, и большевистские и антибольшевистские газеты особенно выделяли отношения правительств белых режимов с руководством казачьих областей. Эти отношения были сложные и показывали наличие больших противоречий среди участников антибольшевистского лагеря. В казачьих районах была сильна власть атаманов, которые во многих случаях не подчинялись единому управлению. Так, власть Колчака не простиралась дальше Иркутска. На востоке Сибири диктатором был атаман Семенов, который представлял собой наиболее одиозный пример, так называемой, атаманщины. Кроме Семенова, отряды атамана Анненкова контролировали семипалатинский край, части атамана Калмыкова — хабаровский, атаман Дутов — оренбургский. Из-за личных амбиций и политической недалекости они нередко игнорировали распоряжения Верховного правителя, чем ослабляли антибольшевистское сопротивление на востоке России. Атаманы "думают больше о своих личных интересах, чем об интересах своей родины, в то время, когда соединенные силы всей страны необходимы для борьбы с большевиками", — писало "Тобольское народное слово"/185/.

Для большевистских газет эти противоречия в антисоветском лагере являлись показателем скорого разложения и разгрома белого лагеря. Антисоветская пресса давала неоднозначные оценки противостоянию белых правительств и казачьих властей. Ее главное внимание было приковано к югу России, где отношения командования Добровольческой армии с казачьими правительствами были чрезвычайно важны для военной победы. На страницах белой прессы нашли подробное отражение разногласия между командованием Добровольческой армии и казаками. Командование Доброй армии стремилось к воссозданию единой России, что не во всем соответствовало интересам казаков. "Добровольческая армия поставила себе задачей воссоз-

дание единой великодержавной России. Отсюда — ропот центробежных сил и местных больных самолюбий", — писали газеты/186/.

Однако отношение к этой проблеме было разным. Кубанские, терские и отчасти донские казачьи газеты настаивали на немедленном предоставлении казакам федеративных прав и политической самостоятельности. Они мотивировали это тем, что исторически жили в условиях самобытности. Как писали казачьи журналисты, казаки искони были демократами. Их военный строй, внутренние порядки, весь уклад жизни были пропитаны демократическими идеями. Но при царском режиме их свободы в значительной степени ограничивались, и возможности создать свою казачью государственность у них не было. Теперь они стремились осуществить ее во что бы то ни стало. Кроме того, как считала казачья газетная пресса, казаки заслужили это активной борьбой с большевиками. Созданием территориальных автономий, которые казаки готовы были защищать до последней капли крови, антибольшевистские силы на Юге России еще больше укрепятся. Их укрепление будет способствовать быстрой победе над советской властью и возрождению единой России. Газета "Вольная Кубань" писала, что казакам "до очевидности ясна задача государственного строительства снизу вверх, от крепких самостоятельных частей, к еще более крепкому единому целому"/187/.

Газетные издания, представляющие интересы Особого совещания отмечали реалистичность политики Деникина по отношению к сепаратистской политике казачьих правительств. Они не отрицали необходимость будущего федеративного устройства России. Но, при этом, отмечали, что в настоящее время главная задача заключается в победе над большевиками. В такой ответственный момент необходимы концентрация сил и централизация руководства. "И в такой момент, требующий сосредоточения всех усилий на фронте, кажутся странными все препирательства о конституционных гарантиях, об ответственности перед парламентом того или другого министра и о праве главнокомандующего приостанавливать постановления законодательного собрания, направленные во вред основной задаче, задаче обороны", — оправдывал деникинский журналист Н. Чебышев деятельность деникинского руководства/188/. Проденикинские газеты убеждали читателей, что областной сепаратизм, политическая борьба за федеративное устройство государства играет на руку красным и не способствует военным победам.

Наряду с освещением национального и территориального сепаратизма на страницах антибольшевистской прессы поднимались вопросы русской национальной идеи. Нельзя сказать, что эта проблема обсуждалась широко, но ее присутствие заметно, особенно в армейских газетах. Активно разбиралась эта тема в прессе врангелевского Крыма. В антисоветской периодике русская идея нашла свое выражение в русской националистической идеологии.

Русский национализм понимался как российский национальный патриотизм, который "слабого делает сильным и непобедимым"/189/. Публицисты националистического толка отмечали, что русское общество слишком мало ценит свою родину, свое искусство, свое национальное достоинство. Причину этого газеты видели в слабом воспитании русского национального чувства в дореволюционной России. Авторы подчеркивали, что русский национализм не имеет ничего общего с черносотенством.

Газетные публицисты, пропагандирующие национализм, считали, что он должен стать единой идеологией всего антибольшевистского движения. На его основе необходимо сплотить антисоветские силы. По мнению этих публицистов, только такая идеология могла объединить народ в борьбе с большевизмом, сплотить массы в "единое и мощное целое"/190/. В этом отношении газеты националистического толка заимствовали опыт большевиков по созданию общего идеологического базиса общества. Политическими центрами антибольшевистских сил должны были стать "русские национальные ячейки" в виде местных национальных общин или землячеств. Армия также должна была быть политизирована, а солдаты получить право вступать в эти ячейки. Таким образом сторонники русского национального порядка стремились преодолеть политическую и организационную разобщенность антибольшевистского движения. Тут они также перенимали большевистский опыт. Журналисты открыто писали о заимствовании советского опыта, когда подчеркивали, что в большевистской идеологии коммунизм "прекрасно уживается с беспримерным национализмом и идеей святой Руси"/190/.

Русский национальный порядок виделся публицистам народным, демократическим, цивилизованным общественным устройством, функционирующим на основе частной собственности. Он пропагандировался как гегемония "культурного миродержания". В основе этого порядка, по мнению газет, лежала концепция "высшей организованности общежития и человеческого совершенства". Русский национальный порядок должен был позволить гармонично соединить для блага России западные и восточные традиции, взять все лучшее из Америки и Азии и "превратить мертвый скелет географической государственности в живое и пышное тело национальной культуры"/191/.

Национальное устройство России представлялось в качестве бесклассового, бессословного, социально однородного общества, где нет ни бедных, ни богатых. Есть только русский народ "во всей его органической цельности". Ему отводилась главенствующая роль в государстве. Учредительное собрание, по мнению публицистов националистического толка, после победы над большевиками должно было, прежде всего, позаботиться "о сохранении и восстановлении русской нации, единой неделимой и по-прежнему великой России"/192/.

При этом газетные публицисты утверждали, что сохранение единой России необходимо "для блага многих мелких народов" В едином большом государстве им будет лучше, чем в обособленных малых. Обособление несет этим государствам нищету, социальную нестабильность и международную зависимость Их развитие будет тяжелым и трудным "без России дорогой"/193/

Стремясь убедить малые народы России сохранить единство страны, журналисты националистического толка вместе с тем, допускали оскорбительные высказывания в адрес последних. На страницах газет помещались резкие и не всегда обоснованные выступления против стремления народов бывшей Российской империи к национальному самоопределению и образованию национальной государственности Писалось, что нерусские народы во многом способствовали разложению русского общества, краху российской государственности и распаду России Ссылались на наличие в революционном движении большого количества представителей нерусского населения, в первую очередь евреев Причину этого явления авторы националистического толка видели в упадке русского национального "чести и достоинства"/194/. В размышлениях газетных публицистов этого направления видны черты, нашедшие свое воплощение в политике итальянских фашистов и немецких национал-социалистов. Исторический опыт показал, что словесная риторика о демократической социально ориентированной националистической политике на практике превращается в человеконенавистническую, агрессивную государственную практическую деятельность. В конечном счете, это приносит несчастье и унижение тому народу, ради которого националистическая концепция создается.

Российские газеты по-разному освещали деятельность интервентов. До осени 1918 г проблема военного участия иностранных держав в российских делах главным образом переплеталась с германским вопросом. Большевики в то время воспринимались практически всеми политическими силами в качестве союзников Германии. После окончания первой мировой войны основное внимание газет было приковано к участию стран Антанты в российских делах. Большинство антибольшевистских газет положительно оценивали их деятельность, считая, что помощь интервентов в экономическом возрождении страны очень существенна и что без них победа над большевиками будет невозможна. Особенно хвалили чехов, выступление которых весной 1918 г. привело к свержению советской власти на большей части территории России и которые, как писали белые газеты, "открыли новую страницу в нашей новой пореволюционной истории"/195/. Российские публицисты призывали правительства западноевропейских стран, США и Японии усилить военное вмешательство в Россию против большевиков.

Большевистская газетная пресса занимала другую позицию. В ней

Отмечалось, что участие интервентов имеет цель помочь контрреволюционным силам свергнуть советскую власть и создать в России режим, полностью зависимый от западного капитала. Главный смысл интервенции большевики определяли как "раздел России" и "хищничество за счет русского народа" /196/. Советские газеты писали, что большевики противопоставили "империалистической интервенции" пролетарскую солидарность, которая выражалась в участии иностранных воинов-интернационалистов в гражданской войне на стороне советской власти. Участие в Красной армии большого количества венгерских, китайских, корейских, чешских, сербских добровольцев рассматривалось советскими газетами как признание идеалов большевистской революции и один из этапов подготовки мировой революции.

Не только советские, но и ряд антибольшевистских газет занимали достаточно критическую позицию по отношению к участию интервенционистских войск в гражданской войне. Одни издания считали, что в случае разгрома большевиков, союзники не должны принимать участие в занятии Москвы. Это надлежало сделать только русским частям. В противном случае российское общество может воспринять это событие как иностранное порабощение. Национальное самосознание будет оскорблено, а это в свою очередь может служить идеологическим основанием для нового большевистского мятежа. Занятие Москвы интервентами "окончательно... довело бы до высшего обострения национальное чувство, — но это было бы чувство не государственного сознания, а чувство нового и горшего мстительного бунта" /197/.

Другие издания занимали более решительные позиции. Газеты этой ориентации писали, что политика западных держав не имеет ничего общего с возрождением России. Сильная Россия не нужна западным странам. Анализируя действия командования интервентов, они указывали на то, что отряды союзников не проявляют активности в борьбе с Красной армией, а в основном действуют в тылу. Командование союзнических войск захватывает российскую собственность и не дает возможности русским властям пользоваться ей. Более того, интервенты претендовали на "прямое вмешательство во внутренние дела /России — Л.М./, при чем приемами не стеснялись" /198/.

Одной из наиболее крупных тем в антибольшевистских газетах была культурная политика антибольшевистских режимов. Антисоветские правительства со страниц белой прессы выступали в роли защитников русской культуры от варварских действий большевиков. Одна из самых больных проблем России начала XX века заключалась в недостатке образования и культуры у народа. Причины этого были понятны российскому обществу, и объяснялись, прежде всего, полуфеодальным самодержавным политическим строем. В период глобального переустройства государственности и Гражданской войны антибольшевистские правительства пытались, насколько это было возможно, под-

держат культурный и образовательный уровень населения, разъяснить сущность большевистской власти и ее угрозу для благополучия общества. Поэтому эта проблематика являлась актуальной и освещалась в газетах.

Большое место в освещении этой темы занимало положение книги в современной жизни российского общества. Газеты отмечали, что, несмотря на тяготы военного времени, интерес к книге не только сохранился, но и увеличился. Читали приключенческую литературу, интересовались философскими сочинениями, пользовалась спросом русская и зарубежная классика. Читатели из малообразованных слоев общества предпочитали книги религиозного характера и сказки "в прозе, в стихах, с картинками, без картинок"/199/. В те годы именно в сказке многие пытались на время найти забвение от трудностей жизни, так как сказка, по выражению Ильина, есть жизненная философия народа, "изложенная в свободных мифических образах и в художественной форме/200/. На страницах антибольшевистских газет помещались материалы о русских писателях, по истории русской и мировой литературы, о литературных жанрах/201/.

Газеты призывали органы самоуправления, местную интеллигенцию сделать все, чтобы удовлетворить тягу людей к книге. Кооперативы, банки, промышленные предприятия призывались покупать книги и передавать их в лазареты, воинские части, библиотеки, так как книги исчезают "с окон и полок магазинов, из темной лавки-конуры букиниста, из обращения между читателями"/202/. Во многих городах страны были проведены "Дни книги". Они проводились под контролем и при содействии властей. Активную роль в проведении "Дней книги" играли союзы библиотекарей. В ходе их проведения собиралась учебная, художественная, справочная литература, ноты, письменные принадлежности. Так, 27 и 28 апреля в Перми с успехом были проведены "Дни книги", организованные Союзом городов и Союзом библиотекарей. Городские власти выделили для этой цели транспорт/203/. В ходе проведения этой книжной кампании было собрано много книжных изданий, бумаги и письменных принадлежностей.

Место книги в обществе было тесно связано с деятельностью библиотек. Газеты белой России уделяли этой теме большое внимание. Особенно много места отводили библиотечной тематике антисоветские издания Сибири. По мысли сибирских публицистов библиотеки становились центрами культурной жизни региона. Они являлись также центрами внешкольного образования на местах. При них открывались краеведческие и художественные музеи, кружки народного театра и изящных искусств, самообразования, культурно-просветительские, спортивные. Библиотеки организовывали специальные чтения, знакомящие малограмотные слои населения с общественной, социальной и культурной жизнью общества, историей и естественными наука-

ми. Они выполняли не только просветительские, но и учебно-методические функции. С этой целью при них создавались музеи наглядных пособий, где хранились таблицы, карты, диаграммы, диапозитивы с проекторами, киноаппараты с учебными фильмами.

Все газетные издания белой Сибири отмечали, что ведущую роль в просвещении населения края играли библиотеки земств и органов городского самоуправления, создаваемые при поддержке кооперативов. Городские думы и земские управы стремились создать библиотеки во всех населенных пунктах, подконтрольных противобольшевистской администрации. Уездная библиотечная сеть состояла из центральных уездных, районных, местных библиотек. Деятельностью земских библиотек руководили уездные отделы внешкольного образования земских управ, выделявшие большие суммы на развитие библиотечной сети и ее функционирование. В местах компактного проживания малых народов формировались библиотечные собрания на национальных языках. Земства налаживали библиотечное дело, опираясь на помощь и содействие общественности.

Журналисты подчеркивали, что самой трудной задачей являлась организация библиотек в сельской местности, население которой в подавляющем большинстве было неграмотно. Если на местах сформировать книжные собрания было невозможно, то создавались избы-читальни с небольшим газетным фондом. Там устраивались лекции и выдавались книги из передвижных библиотек. Эта работа имела чрезвычайно большое значение, так как крестьяне составляли костяк белой и красной армий. И от того, за какой политической силой они пойдут, зависел успех вооруженной борьбы. "Необходимо наши... библиотеки снабдить книгами с содержанием более близким и понятным для деревни", — писала газета "Голос Приморья"/204/.

В газетной прессе белой Сибири постоянно проводилась мысль, что большую помощь в организации городских публичных библиотек и обслуживании читателей оказывают университетские, железнодорожные библиотеки, а также библиотеки Русского географического общества и культурно-просветительских организаций. Богатые библиотечные собрания имели Западно-Сибирское, Восточно-Сибирское, Приамурское, Якутское отделения Русского географического общества и его подотделы: Семипалатинский, Алтайский, Красноярский, Владивостокский, Троицко-Савский и Читинский. Так, подотдел Русского географического общества в Семипалатинске имел научную библиотеку в 10 тысяч томов/205/.

Большими библиотеками владели Восточно-русское культурно-просветительное общество в Уфе, Хабаровское военно-просветительное общество, Хабаровский народный университет, народные дома. Алтайское художественное общество имело хорошую художественную библиотеку. Интересными биб-

лиотечными собраниями располагали Пермский научный музей, Общество русских ориенталистов в Харбине, Пермский научно-промышленный музей, Уральское общество любителей естествознания и др.

Газеты с удовлетворением отмечали, что организовывались библиотечные курсы для подготовки и переподготовки библиотечных кадров, сильно поредевших от мобилизаций. В Приморье летом 1919 г. Народный университет Владивостока принял решение организовать курсы библиотековедения. Курсы предполагались по следующей программе: 1/ библиотечное дело. введение, история и современное состояние библиотеки, 2/ техника библиотечного дела: теория и практические занятия (осмотр библиотек, библиотечная выставка и пр.), 3/ библиография, практическая и теоретическая, 4/ библиотечное дело за границей, 5/ детские библиотеки, 6/ русская литература и история в связи с библиографией. Курсы были рассчитаны на 4-6 недель. Деньги планировалось достать у местных органов самоуправления, кооперативов и общественных организаций/206/.

Российские газеты очень обстоятельно анализировали причины поражения антисоветских сил. Различные аспекты этой большой проблемы обсуждали и большевистские и антибольшевистские издания. Но наиболее обстоятельный и беспощадный анализ давала именно антисоветская периодика. Газеты выделяли в качестве основной причины поражения белых отсутствие у их политических и идеологических лидеров общественных концепций, способных привлечь на свою сторону большую часть населения России. Антисоветские газетные издания с горечью признавали, что многие антибольшевистские программные положения массам малопонятны. "И чем дальше затягивается борьба /с большевизмом — М.Л./, тем яснее становится несостоятельность многих представлений, с которыми мы вступали в эту борьбу", — писал П.Б. Струве в южнорусской газете "Великая Россия"/207/.

Антибольшевистские газетные публицисты пытались проанализировать, почему политика белых правительств не устраивала общество. По их мнению, политика антибольшевистских сил не вызывала доверия у населения, не создавала надежду на будущее. Во многом из-за своей неопределенности. Народ считал, что его опять могут обмануть. Эти настроения были особенно характерны для крестьян. Значительную часть российской деревни пугало то, что белые правительства не устанавливают "определенного образа правления, а откладывают решение этого вопроса до Учредительного собрания — опять, де, жди"/208/.

Как одну из важнейших причин краха белого дела газетная периодика выделяла слабую социальную и национальную политику антибольшевистских правительств, срывы в экономических преобразованиях, произвол и террор. Властные структуры антибольшевистских режимов действовали неэффектив-

но. Управленческий аппарат не показывал образцы общественной порядочности и самодисциплины. Злоупотребления властными полномочиями были обыденным явлением антибольшевистской государственности. Все это "убивало в зародыше симпатии местного населения.. "/209/.

Недоверие населения к властям препятствовало объединению общества вокруг властных структур и активизации общественной самодеятельности. Практически во всех газетах белого востока России был опубликован приказ Колчака, где он вынужден был признать, что широкое распространение получили "самочинные расправы, порки, расстрелы и даже карательные экспедиции, чинимые представителями власти.. "/210/. Подобные действия администрации антибольшевистских государственных образований нередко превращали их сторонников в противников. Те общественные круги, которые сначала ожидали свержения советской власти, начинали объединяться против белых правительств и ожидать прихода Красной армии. Такое положение играло на руку большевикам.

Трагедия белого движения была в том, что оно осталось замкнутым, почти исключительно офицерским. Оно начиналось как движение группы людей, готовых пожертвовать жизнью ради возрождения России. "Это не была армия ни с какой стороны, — писала газета "Приневский край". — Это была группа людей, объединенных одною идеею, одною великою святою верою в светлое будущее"/211/. Несмотря на первоначальные военные и политические успехи, белое дело не сумело стать общенациональным движением, объединяющим все антибольшевистские силы. Оно осталось движением, лишенным широкой социальной базы, и не сумело установить отношений с политическими партиями крупной буржуазии и социал-реформистскими партийными объединениями, с либеральной и социалистической интеллигенцией. Все это сильно подорвало веру русского общества в то, что белое дело — это "борьба за правое дело"/212/.

Белые идеологи, считали, что армия превыше всего и должна стоять вне политики. Они рассчитывали, что, мобилизуя крестьянское население и отдавая приказы, они сумеют с успехом вести войну. В этом заключалась их кардинальная ошибка. В гражданской войне солдаты должны четко осознавать, за что они борются, а идеологи и руководители белых рассчитывали на слепое повиновение мобилизованных солдат. Руководство антибольшевистских политических режимов ставило на первое место интересы армии. Воссоздание представительных институтов считалось делом преждевременным. Деникин, Колчак, Юденич, оказались марионетками в руках генералитета. Так, газета "Вольная Кубань" отмечала, что окружение генерала Деникина делало все, "чтобы идея национального возрождения России была затаскана в грязь вместе с именем руководителя борьбы с большевизмом"/213/.

Газетные публицисты признавали, что население России нередко само противилось объединению. Отдельные слои населения, сотни тысяч людей думали не о благе и будущем страны, а о собственном благополучии и удовлетворении собственных интересов. "Классовый и индивидуальный эгоизм продолжает разрушать наш тыл", — отмечал публицист газеты "Киевлянин"/214/. Помещики стремились вернуть свои земли, промышленники — предприятия, казачество, в первую очередь, думало о своих привилегиях и сохранении своих земель и т.д. Победа большевиков — это показатель кризиса российского общества, которое оказалось неспособным к сопротивлению большевистскому эксперименту. Сказалась и усталость людей от войны и революции. Противобольшевистские газеты прогнозировали, что Гражданская война и поражение белых сил будут иметь чрезвычайно тяжелые последствия для российской общественности. И они оказались правы. К концу 1920 г. Россия представляла собой общество обезглавленных масс, где были уничтожены многие независимые общественные институты, и где население было лишено возможности защищать свою самостоятельность.

Неготовность общества к самоорганизации, недостаток в нем гражданственности, по мнению газетных публицистов, выражались в том, что общество в то переломное время оказалось неспособным к самоограничению. В массах быстро развилось нетерпение, разочарование, озлобление. Различные слои общества не понимали необходимости уважать права других. Война и разруха усилили апатию общества. Оно плохо верило политикам и не стремилось объединиться вокруг антибольшевистских правительств.

Одним из основных показателей неспособности общества защитить самого себя, явилось отношение к армии. Армейские проблемы не встречали необходимого понимания, армия не получала от общества нужной поддержки. Газеты постоянно писали о том, что предпринимательские круги неохотно снабжали армию средствами, с большим нежеланием жертвовали деньги на армейские нужды. Публицист павлодарской газеты "Голос степи" писал, что деятельность предпринимательских кругов направлена не на борьбу за "осуществление национально-государственных задач, а на... охрану интересов имущего класса"/215/. Распространенным явлением в белых армиях было дезертирство, когда "длинные вереницы совершенно молодых и здоровых людей тянутся в глубокий тыл, гонимые безотчетным и слепым чувством страха"/216/. По словам Бердяева, борьба с большевиками выявила, что "сам народ не хочет у нас чистого народовластия и не способен к нему на данном уровне развития"/217/. Такое состояние общества не позволяло эффективно противостоять большевикам.

Создаваясь и функционируя в условиях идеологизации всех сторон жизни общества, российская газетная пресса была основой глобального

манипулирования общественным мнением со стороны властных структур и ведущих политических сил страны в годы революции и Гражданской войны. Несмотря на то, что содержание газет было подчинено созданию политических мифов и легенд, они выполнили свои информационные и просветительские функции. На их страницах получили широкое отражение события революции и Гражданской войны.